

ВНЕШНИЕ УГРОЗЫ И ПРОТИВОДЕЙСТВИЕ

И. В. Григорян

ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА ТУРЦИИ В ОТНОШЕНИИ ГОСУДАРСТВ ЮЖНОГО КАВКАЗА: НОВЫЕ ВЫЗОВЫ И УГРОЗЫ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

***Аннотация.** В настоящей статье представлены результаты анализа содержания и направленности внешней политики Турции на Южном Кавказе — в отношении Армении, Азербайджана, Грузии, возникших в результате распада СССР и традиционно входящих в зону политического влияния России. Дана оценка рискам и угрозам национальной безопасности России, связанных со стремлением Турции усилить свое внешнеполитическое и военное присутствие в регионе и вести там экспансионистскую политику.*

***Ключевые слова:** политология, национальная безопасность, региональная политика, внешняя политика, Турция, Южный Кавказ, международные отношения, Армения, Азербайджан, политический процесс.*

Турция является одним из наиболее динамично развивающихся государств евразийского пространства. Модель политического поведения Турции как евразийской державы быстро трансформируется от рефлекторной к субъектной: она жестко определяет свои приоритеты в огромном регионе и в определенной степени пересматривает основные направления внешней политики. С приходом к власти в 2002 году Партии справедливости и развития (АКР), Турция проводит прагматичную внешнюю политику, ориентированную исключительно на удовлетворение и защиту стратегических интересов государства.

При анализе основных направлений внешней политики Турции необходимо учитывать несколько факторов. Во-первых, Турция все больше осознает свою значимость и роль в Евразии, где она по своим ресурсам и возможностям может быть вторым ключевым, после России, актором. Во-вторых, динамика политических процессов в Турции и взаимосвязанность их внутренних и внешних аспектов настолько высока, что зачастую внутривнутриполитическая ситуация определяет и меняет направления внешней политики или, по меньшей мере, вносит серьезные коррективы в ее имплементацию. В-третьих, на протяжении едва ли не всего периода своего существования Турция только при сильном давлении извне начинала проводить серьезные ре-

формы в политической и социальной сферах; при этом результат реформ далеко не всегда оправдывал ожидания тех, кто оказывал давление.

Безусловно, основными внешнеполитическими проблемами для Турции продолжают оставаться полноправное членство в Европейском Союзе, война в Ираке, Кипрская и курдская проблемы, борьба с терроризмом в лице Курдской рабочей партии (РКК), а также трафикинг.

На первый взгляд, южнокавказское и центральноазиатское направления для этого государства все еще являются периферийными, и активизируются как в позитиве, так и в негативе только по мере появления и / или углубления проблем с основными внешними игроками – США и Европейским Союзом. Тем не менее, прослеживается явная тенденция к развитию не только двусторонних отношений с государствами Южного Кавказа и Центральной Азии, но и к попыткам проводить региональную политику с перспективой на главенствующую роль в этих двух регионах.

Однако Турция не является доминирующим внешним актором пространства Южного Кавказа. Стратегические интересы Турции и ее претензии на роль региональной державы в определенной степени входят в противоречие со стратегическими интересами России или накладываются на них. Соотношение интересов России и Турции на

Южном Кавказе создает дополнительный конфликтный потенциал и способствует углублению разделительных линий не только между Турцией и Россией, столько между самими государствами региона.

В то же время, стратегические интересы Турции совпадают с интересами Европейского Союза, который готов предоставить ей *carte blanche* в проведении активной политики и выстраивании как двусторонних отношений с Азербайджаном, Грузией и Арменией, так и в создании благоприятного экономического климата в регионе. В целом, комбинация «Турция – ЕС-Южный Кавказ» не содержит в себе конфликтного потенциала.

Южный Кавказ исторически является зоной турецкого влияния, своеобразным *front yard* Турции, который, в силу ряда объективных и субъективных обстоятельств, выпал надолго из сферы стратегических интересов этой региональной державы. После развала СССР лишившись своей функции стража границ НАТО на восточном направлении, и на фоне вялотекущих переговоров о членстве в Европейском Союзе, Турция – именно в своем статусе региональной державы – заметно активизировалась в направлении Южного Кавказа, где для нее открылись значительные политические и экономические перспективы. Для Европейского Союза способность Турции проводить самостоятельную политику в своем *front yard* часто рассматривается в контексте ее возможностей сдерживать натиск России в попытках последней по восстановлению своего влияния по всему периметру бывшего Советского Союза.

Однако для понимания модели поведения Турции в регионе Южного Кавказа необходимо подчеркнуть, что, во-первых, для полной реализации своих региональных амбиций у нее все еще не хватает ни экономической, ни политической мощи. Во-вторых, нарушен один из основных постулатов, заложенных в основу турецкой внешней политики еще со времен Ататюрка: если до развала СССР и всего социалистического блока Турция старалась не вовлекаться в региональные политические процессы и, тем более, региональные конфликты¹, то с начала 1990-х годов она прямо или опосредованно стала участницей этнополитических конфликтов на

¹ Единственным исключением, пожалуй, является вторжение турецких войск на Северный Кипр в 1974 году с целью защиты турецкого населения острова.

Балканах (Косово, Босния-Герцеговина), на Южном (Нагорный Карабах) и на Северном Кавказе (Чечня). Она стала проводить активную внешнюю политику, формально обозначенную как «ноль проблем с соседями», но направленную в этих регионах на поддержку мусульманских и тюркских народов. Кроме того, Турция и в формате НАТО действует исходя из своих стратегических задач². В-третьих, диверсификация направлений внешней политики и усиление в ней исламской и тюркской составляющих в определенной степени способствуют политизации самого турецкого общества, с ростом среди его определенных сегментов националистических и ультранационалистических настроений³.

Для государств Южного Кавказа проблема взаимоотношений Турции и ЕС представляет особый интерес, и все три республики приветствовали открытие переговоров Турция – ЕС. Во-первых, с ее принятием в члены Европейского Союза, и Армения, и Грузия, и Азербайджан выходят непосредственно к границе с Европейским Союзом. Во-вторых, Турция, может лоббировать интересы своих южнокавказских партнеров Грузии и Азербайджана в этой структуре. В-третьих, Турция сама по себе уже является весомым экономическим партнером для государств Южного Кавказа; однако ее членство в ЕС может опосредованно увеличить обмен товарными потоками между государствами Южного Кавказа и ЕС (в меньшей степени это касается Армении в силу отсутствия прямых коммуникаций и дипломатических отношений). В-четвертых, при вступлении в ЕС вероятно увеличение потока турецких мигрантов в Европу, что, соответственно, будет открывать рабочие места в Турции для граждан Азербайджана и Грузии, в меньшей степени – Армении.

Как уже отмечалось, в системе безопасности Евразии Турция вполне может удовлетворить свои амбиции региональной державы. В данной структуре она не нарушает так называемой общеевропейской цивилизационной идентичности, не отпугивает Европейский Союз возможными политическими, экономическими и демографическими

² 1 марта 2003 года парламент Турции проголосовал против попыток правительства разрешить американским военным силам использовать территорию страны для атак на Ирак.

³ Mustafa Aydin. Twenty Years Before, Twenty Years After: Turkish Foreign Policy at the Threshold of the 21st Century. In: Turkish Foreign Policy in the 21st Century. A Changing Role in World Politics. Ed. by T. Ismael and M. Aydin, Burlington, 2003, Ashgate, pp.16-17.

последствиями своего членства, не вносит раскол в саму структуру ЕС. Однако именно в формате Евразии у Турции есть мощный соперник/союзник в лице России, которая также рассматривает все это пространство как зону своего стратегического влияния и интереса.

Осознавая, что конфронтационный подход не будет способствовать претворению в жизнь их стратегических интересов, два основных актора пространства Евразии – Россия и Турция – постепенно начали преодолевать разногласия, существующие между ними на протяжении всего нового и новейшего периодов истории. Этому способствуют и их сложные взаимоотношения с Европейским Союзом и США. Исторически сложившиеся российско-турецкие отношения, в определенном контексте способствуют двум параллельным процессам: с одной стороны, происходит углубление двусторонних отношений между Россией и Турцией и вывод их на уровень стратегического партнерства во всех областях, включая вопросы безопасности.

Подписав в октябре 2001 года «План действий по сотрудничеству в Евразии: от двустороннего сотрудничества к многомерному партнерству» или «Евразийский план действий»⁴, Россия и Турция признали друг друга в качестве евразийских держав, высоко оценивающих безопасность и стабильность в ареале своих геополитических интересов. Они форсировали развитие отношений в экономической, политической сферах, а также в вопросах борьбы с неконвенциональными угрозами, в частности, терроризмом⁵.

⁴ Документ (Cooperation Action Plan in Eurasia: From Bilateral Cooperation to Multi Dimensional Partnership) был подписан 16 ноября 2001 года в Нью-Йорке министрами иностранных дел обоих государств. В нем, в частности, было отмечено: «Радикальные изменения, которые имеют историческую важность, открывают эру возможностей развивать продуктивное, взаимное и региональное сотрудничество в духе дружбы и взаимного доверия во всех сферах отношений между Россией и Турцией. Они непоколебимы в намерении приложить дополнительные усилия для повышения своих отношений на уровень мощного, конструктивного партнерства». URL: <http://www.turksam.org/en/a127.html>

⁵ Турция признала приоритет России в вопросах урегулирования неразрешенных этнополитических конфликтов на евразийском пространстве (в первую очередь, это касалось поддержки чеченских боевиков и ситуации на Южном Кавказе); Россия, в свою очередь, обязалась ограничивать активность курдских организаций на своей территории.

Их интересы совпадают по ряду приоритетных для обеих держав направлений: они негативно относятся к появлению в акватории Черного моря судов государств, не являющихся причерноморскими⁶; оценивают «цветные революции» на постсоветском пространстве как дестабилизационные; российско-турецкий тандем негативно воспринимает риторику США относительно необходимости стимулирования демократизации по периметру границ Европы; есть определенное сходство в подходах в оценке и ближневосточной политики США и собственных возможностей по урегулированию кризисов в этой зоне. Кроме того, для Турции абсолютным приоритетом продолжает оставаться сохранение контроля над средиземноморскими проливами. В целом, обе державы, действуя под флагом евразийской идентичности, стали откровенно демонстрировать свое стремление не допустить появления новых игроков, в первую очередь, США, на пространстве нового формирующегося региона. Несмотря на развернувшееся соперничество, Россия и Турция вышли на тот уровень двусторонних отношений, когда они готовы поддержать позицию друг друга для противодействия давлению США и, в некоторой степени, ЕС. Стоит отметить, что подписание «Евразийского плана действий» стимулирует активность Турции, которая постарается использовать все преимущества своего географического положения, а также военного, политического и людского потенциала для смены статуса нежелательного актора в формате Европейского Союза на статус если не патрона, то равноправного партнера в евразийской системе координат. Соперничество обеих региональных держав на Южном Кавказе принимает завуалированные формы, поскольку обе рассматривают свое сотрудничество в стратегической перспективе и фактически способствуют углублению разделительных линий между государствами самого региона. Можно говорить о том, что обе региональные державы делят, в частности, Южный Кавказ на сферы влияния.

Этому способствовала и российско-грузинская война августа 2008 года, фактически реформировавшая всю систему безопасности Южного Кавказа⁷ и изменившая военно-политический

⁶ В первую очередь, это касается США, которые намерены активизировать деятельность НАТО в регионе и добиться присутствия собственного флота в Черном море.

⁷ См. Gayane Novikova. The Five-Day War of August 2008,

баланс в регионе, а также привела к новому витку милитаризации всего региона.

Помимо того, что в условиях экономического кризиса увеличиваются военные закупки всех трех государств региона и статьи расходов государств на оборону, происходит большая концентрация военной техники на Южном Кавказе, наблюдается и расширение иностранного военного присутствия⁸, в первую очередь, российского и турецкого.

Россия закрепила и легализовала свое военное присутствие в Абхазии и Южной Осетии, и продолжила его в Армении. В контексте данной статьи важно отметить, что в соответствии с подписанным в августе 2010 года российско-армянским Протоколом о внесении изменений в Договор о российской военной базе в Армении был не только продлен срок ее присутствия, но и была расширена сфера ее географической и стратегической ответственности. В частности, согласно новой редакции статьи третьей данного Протокола, база, помимо осуществления функций по защите интересов Российской Федерации, обеспечивает совместно с Вооруженными Силами Армении безопасность Республики Армения по всему периметру ее границ⁹.

На этом фоне усиленно муссируются не лишние оснований слухи о возможном создании турецкой военной базы на территории Нахичеванской Автономной Республики Азербайджана в свете принятия им в июне 2010 года военной доктрины, допускающей, вопреки конституции страны, развертывание иностранных баз на территории страны.

Безусловно, ни Россия, ни Турция не позволят втянуть себя в военное противостояние на территории Южного Кавказа, однако расширение их военного присутствия является свидетельством качественно нового баланса сил в регионе и вносит коррективы в ситуацию вокруг урегулирования армяно-турецких отношений и Нагорно-Карабахского конфликта.

and Shifts in Security in the South Caucasus. Panorama of Global Security Environment 2009. Ed. by M.Majer, R.Ondrejcsak, V.Tarasovic, T.Valasek Centre for European and North Atlantic Affairs, Bratislava, 2009, pp.343-359.

⁸ Пассивное военное присутствие США на Южном Кавказе не влияет на военно – политическую ситуацию региона.

⁹ Ранее функционирование базы ограничивалось внешними границами бывшего СССР, в новой редакции это ограничение извлечено из текста Соглашения.

В отношениях Турции с Азербайджаном и Грузией все относительно понятно и взаимозависимо – Турция рассматривает оба государства в качестве младших партнеров. Появление ряда энергетических и коммуникационных проектов, «завязанных» на Турцию, поставили оба государства фактически в зависимое от нее положение. Выстраивая отношения с ними, Турция, во-первых, решает собственную стратегическую задачу превращения в хранилище Каспийских энергоресурсов с перспективой их расширенных поставок в ряд европейских государств¹⁰. Во-вторых, те же коммуникации обеспечивают Турции прямой выход в государства Центральной Азии, увеличивая долю турецкого капитала в энергетическом секторе и Грузии, и Азербайджана, Турция получает дополнительный рынок для своих товаров и услуг. В-третьих, Турция является одним из основных поставщиков вооружения для Грузии и Азербайджана, имеет военные объекты в обеих республиках.

Помимо всего перечисленного выше, в турецко – азербайджанских отношениях определяющими являются также тюркская и мусульманская идентичности, которые доминируют на уровне массового сознания. Именно эти два аспекта и использует азербайджанское руководство, которое стремится к максимальному вовлечению Турции во внутриполитические процессы и старается приспособить турецкую модель государственного устройства к азербайджанской действительности. Стоит отметить, что в стране, особенно в столице и в северных регионах, усиливается роль суннитского ислама; армия Азербайджана строится по НАТОвскому / турецкому образцу, в стране работают турецкие военные инструкторы; очень сильно культурное влияние Турции. Однако одним из основных направлений, в которых Азербайджан нуждается в поддержке Турции, является проблема урегулирования Нагорно-Карабахского конфликта.

В целом, любые противоречия, возникающие на уровне двусторонних отношений во всех сферах жизни этих двух государств, решаемы. Азербайджан не может позволить себе игнорировать интересы Турции ни в одном из вопросов. В свою очередь, Турция не может игнорировать реакцию в обществе на процессы, происходящие в Азербайджане и вок-

¹⁰ Terry D. Adams. Caspian Oil and Gas Development and the Black Sea Region: an Overview. In: Europe's Black Sea Dimension. Brussels, CEPS, 2002, pp. 47-52, 60-68.

руг него, особенно в вопросах, касающихся армяно-азербайджанских отношений. Общественное мнение в стране однозначно ориентировано на поддержку Азербайджана в вопросе Нагорно-Карабахского конфликта. На первый взгляд, совпадение позиций Азербайджана и Турции вокруг урегулирования конфликта дает Азербайджану иллюзию того, что он может оказывать давление на Турцию. Однако подчеркну, что Турция выстраивает свои отношения с сопредельными государствами исключительно исходя из собственных стратегических интересов, и в турецко-армянских отношениях присутствует не только фактор Нагорного Карабаха.

Что касается двусторонних турецко-грузинских отношений, то с турецкой стороны доминирует стремление использовать территорию этого государства для транзита азербайджанских/казахстанских энергоресурсов, а также для создания своеобразного тюркского моста и транзита турецких товаров в Азербайджан и далее в направлении Центральной Азии. Кроме того, усиление турецких позиций в Грузии уравнивает усиление российского влияния в Армении.

В свою очередь, стабильно плохие грузино-российские отношения хотя и дают Грузии дополнительную маневренность в выстраивании отношений с Западом, однако, одновременно вынуждают ее переориентировать свои коммуникационные приоритеты в сторону Турции. Одним из объективных последствий этого становится усиление ее экономической, а затем и политической зависимости от Турции и Азербайджана. Это уже проявляется в том, что руководство Грузии, приветствуя заявления Турции о территориальной целостности своей страны, предпочитают не замечать и не обсуждать вопрос увеличивающихся турецких капиталовложений в Абхазии. Грузия всячески старается избегать и обсуждения с Турцией проблемы репатриации турок-месхетинцев в Грузию.

Следует добавить, что в стратегическом треугольнике Турция – Азербайджан – Грузия Турция воспринимается своими партнерами в том числе и как связующее звено между ними и НАТО.

На Южном Кавказе для Турции наиболее проблематичным является армянское направление. Вплоть до начала 80-х годов прошлого столетия оно фигурировало в гораздо большей степени в контексте взаимоотношений с армянской диаспорой вокруг проблемы международного признания Геноцида армян в Османской империи, чем с Армянской

ССР. Появление на карте независимой Республики Армения не способствовало установлению двусторонних дипломатических отношений. Более того, вовлеченность Армении в Нагорно-Карабахский конфликт привела к закрытию Турцией в одностороннем порядке в 1993 году границы с Арменией. Все последующие контакты между двумя государствами были прямо или косвенно связаны с ситуацией вокруг урегулирования данного конфликта, и опосредованы отношением Турции с третьим государством – Азербайджаном.

В этом контексте нормализация армяно-турецких и турецко-армянских отношений является одной из наиболее интересных тем, касающихся Южного Кавказа, и, соответственно, вокруг этого вопроса множество спекуляций, несмотря на то, что они не относятся к числу приоритетных ни для кого из внерегиональных акторов, в частности, США, России, и ЕС. На региональном уровне в их нормализации не заинтересованы ни Грузия, ни Азербайджан. Однако динамика политических процессов на Южном Кавказе в 2008-2010 годах спровоцировала концентрацию международного внимания на взаимоотношениях Армении и Турции и урегулировании Нагорно-Карабахского конфликта. Непосредственно после завершения российско-грузинской пятидневной войны именно на этом направлении стала наблюдаться беспрецедентная активность, на первый взгляд, инициированная Турцией (предложение Эрдогана по созданию «Платформы стабильности и сотрудничества на Южном Кавказе») и поддержанная Арменией (воплощение в жизнь так называемой футбольной дипломатии).

Однако скорость, с которой развивались события на армяно-турецком направлении с 22 апреля 2009 года после появления информации о готовящемся прорыве, свидетельствует о том, что и на Армению, и на Турцию оказывалось сильное политическое давление извне для принуждения их к компромиссу. На фоне серьезных разногласий вокруг целого ряда проблем, в том числе, ситуации в Грузии, нефтяных и газовых проектов, обострения ближневосточного конфликта и проблемы вокруг Ирана, ЕС, США и России как основным внешним акторам пространства Южного Кавказа, необходима была демонстрация сплоченности и единства подходов, своего рода success story на любом направлении. Скорее всего, возникла иллюзия того, что можно будет относительно легко добиться прогресса именно в урегули-

ровании армяно-турецких отношений, тем более с учетом того, что переговоры разной интенсивности между сторонами велись в течение последних 2-3 лет. Если для Армении урегулирование отношений с Турцией могло решить некоторые задачи, в первую очередь, экономического характера, то для Турции урегулирование отношений с Арменией имело второстепенное значение в шкале ее внешнеполитических и внутривнутриполитических приоритетов. Однако под сильным внешним давлением, с одной стороны, и при мощном противодействии изнутри, правительству Турции пришлось предпринять ряд шагов, направленных на урегулирование отношений с Арменией, которые на короткий промежуток времени вышли на передний план.

Стоит обратить внимание на то, что само внешнее давление распределялось неравномерно.

Как уже отмечалось, Европейский Союз вполне устраивает переключение активности Турции на восточное направление, поскольку их интересы, в частности, на Южном Кавказе абсолютно совпадают. В то же время в отношениях ЕС – Турция в проекции на Южный Кавказ есть определенная интрига, связанная с армяно-турецкими отношениями.

Вопрос возможного членства Турции в Европейском Союзе является предметом политических спекуляций и в армянской политической элите, которая приветствует (с некоторыми оговорками) членство Турции в Европейском Союзе. В то же время, до открытия переговоров в 2005 году представители аналитических кругов и государственных структур Армении исходили из того, что обсуждение вопроса членства Турции в ЕС может способствовать разблокированию турецко-армянской границы. Этого не произошло, однако, сам факт закрытой границы (что противоречит принципам ЕС) стал своеобразным механизмом давления со стороны ЕС на Турцию, несмотря на то, что Армения даже не упомянута в рамочном документе, предопределившем ход переговоров ЕС – Турция. Ряд государств Европейского Союза используют армянский фактор и весь комплекс армяно-турецких противоречий в качестве одного из основных препятствий на пути членства Турции в ЕС. Наиболее ярко это проявляется во франко-турецких отношениях, а в последнее время некоторые нюансы стали проскальзывать и в немецко-турецких. Неудивительно, что в 2005 году, в канун открытия переговоров по членству в ЕС высшее руководство страны выступило с резким

заявлением о неприемлемости введения каких-либо дополнительных пунктов в повестку дня.

Со стороны ЕС вопрос урегулирования армяно-турецких отношений будет оставаться завуалированным механизмом давления на Турцию. В свою очередь, он будет использоваться руководством Турции для демонстрации твердости и решимости в отстаивании собственных национальных интересов. История подписания известных Протоколов «Об установлении дипломатических отношений между Турецкой Республикой и Республикой Армения» и «О развитии отношений» между ними является тому свидетельством. Однако стоит обратить внимание, что при нормализации армяно-турецких отношений снимается одно из неозвучиваемых препятствий для членства Турции в данной организации, в частности, ее закрытые границы с Арменией.

Для США урегулирование армяно-турецких отношений означает снятие прессинга со стороны армянской диаспоры по вопросу признания Соединенными Штатами Геноцида армян. На фоне «перезагрузки» двусторонних американо-турецких отношений и информации о готовящейся армяно-турецкой «дорожной карте» обозначение событий 1915 года в обращении президента Б. Обамы как «Мец Егерн» было призвано смягчить напряженность как в лагере сторонников, так и в лагере противников принятия соответствующей резолюции как внутри страны. Однако очевидно, что приоритетом для администрации США является сохранение и дальнейшее развитие отношений с Турцией, являющейся их ключевым партнером в ближневосточной и в южнокавказской политике. Кроме того, по их мнению, урегулирование отношений между Арменией и Турцией будет способствовать региональному развитию, в чем США, опять – с учетом развития ситуации на ближневосточном направлении, заинтересованы. Именно этим можно объяснить совершенно беспрецедентное давление, оказываемое в течение года на обе стороны, и в конечном итоге, приведшее к подписанию в октябре 2009 года известных армяно-турецких Протоколов об установлении дипломатических отношений между Республикой Арменией и Турецкой Республикой и о развитии отношений между ними. Эти Протоколы являются первым двусторонним документом за всю историю существования Турецкой Республики и независимой Армении.

Важно отметить, что дальнейшее развитие ситуации в армяно-турецких отношениях проде-

монстрировало ограниченные возможности участия / давления США на Турцию в вопросах, касающихся отстаивания последней собственных стратегических интересов.

Для России нормализация и последующее улучшение армяно-турецких отношений не столь однозначно позитивны, как для ЕС и США. Во-первых, урегулированность отношений между двумя государствами практически никак не отражается на энергетических и коммуникационных возможностях России. Во-вторых, при их нормализации Турция становится единственным актором пространства расширенного Южного Кавказа, не имеющим проблем с соседями, что на фоне российско-грузинских отношений повышает ее стратегические возможности. Правда, Россия сохраняет за собой позиции одного из важнейших, если не важнейшего внешнего актора в Нагорно-Карабахском конфликте, что позволяет ей напрямую контролировать Азербайджан и Армению, и опосредованно тормозить активность Турции в вопросе урегулирования данного конфликта, а, следовательно, препятствовать ее продвижению в регионе Южного Кавказа. В-третьих, для России совершенно очевидно, что Турция не может реально соперничать с ней в Центральной Азии. В целом, в условиях развивающегося стратегического партнерства с Турцией и «перезагрузки» российско-американских отношений, Россия не может напрямую влиять на процессы, которые имеют место в армяно-турецких отношениях, однако динамика их развития вполне устраивает Россию на данном этапе.

Для самих Армении и Турции, при наличии негативного исторического опыта, нормализация отношений означает качественный пересмотр собственной внутренней и внешней политики. Есть ряд вопросов, которые требуют ответа на уровне армянского и турецкого обществ. Насколько были оправданы ожидания сторон после подписания между двумя государствами и насколько они были сопоставимы? Готовы ли общества, активно культивирующие на протяжении почти столетия «образ врага» завтра – волею своего руководства и не только – стать равноправными партнерами? Как это отразится на отношениях Армении с Нагорным Карабахом и Диаспорой, и на внутривнутриполитической ситуации в стране? Как отразятся эти процессы на отношениях Турции с Азербайджаном и внутри страны – с радикалами?

Однозначных ответов на эти вопросы нет, однако, в целом, Армения играет роль своего рода раздражителя для Турции и рассматривается ею в качестве естественного препятствия для продвижения своих интересов на Южном Кавказе.

Рассмотрим, иные, помимо вопроса признания Геноцида армян, составляющие армяно-турецких и турецко-армянских отношений.

Для Армении урегулирование отношений с Турцией повлечет определенные сдвиги в экономической ситуации:

а) открытые границы с Турцией дают расширенные коммуникационные возможности в условиях блокирования российско-грузинской границы и постоянно балансирующей на грани обострения ситуации вокруг Ирана;

б) возможно выдавливание местных товаров легкой промышленности более дешевыми турецкими (по этому вопросу есть достаточно версий и спекуляций среди сторонников и противников открытия границы),

в) появление трудовых мигрантов – граждан Турции из менее развитых восточных регионов страны может привести к увеличению рынка дешевой рабочей силы в Армении, и увеличить уровень скрытой безработицы в стране;

в) увеличится поток армянских трудовых мигрантов в Турцию;

г) увеличится трафикинг;

д) увеличится поток армянских туристов в Турцию.

На внутригосударственном и общественном уровне обсуждение вопроса нормализации армяно-турецких отношений и подписание Протоколов привело в Армении

а) к еще большей изоляции властей, расколу правящей коалиции, в некоторой степени способствовало сплочению политической оппозиции и большей политизации общества;

б) усилило разногласия между Диаспорой и Арменией;

в) усилило разногласия внутри самой армянской Диаспоры.

Для Турции, имеющей несравненно большие коммуникационные и экономические возможности, экономический аспект урегулирования отношений с Арменией не столь значим, как для Армении. Лоббируют открытие границ с Арменией губернаторы слабо развитых восточных провинций, расчи-

тывая привлечь больше инвестиций в экономику этой части страны.

В Турции обсуждение этого же вопроса и подписание Протоколов было крайне болезненным на уровне общества, и в определенной степени обострило негативное восприятие армян и Армении в целом. В целом, в подходе к Армении и государству, и общество Турции проявляют большую сплоченность. Это объясняется тем, что в массовом сознании турок Армения фигурирует, во-первых, в качестве государства, обвиняющего Турцию в совершении геноцида против армянского народа; во-вторых, в качестве государства, оккупирующего часть дружественного и братского Азербайджана. В настоящее время формируется и третий пласт, связанный с некоторыми сигналами о возможном пересмотре политики в отношении национальных меньшинств, и в целом негативной, вопреки ожиданиям турецкой стороны, реакцией на них армянского государства и общества¹¹, а также части армянской Диаспоры.

Помимо отмеченной асимметрии в восприятии и заинтересованности в урегулировании отношений, основная интрига состоит в том, что двусторонние отношения между Арменией и Турцией прямо или косвенно опосредованы отношениями каждого из этих государств с Азербайджаном и урегулированием Нагорно-Карабахского конфликта. Это обстоятельство на данном этапе осложняет, если не делает невозможным, достижение прогресса в

армяно-турецком процессе примирения, что наглядно проявилось в динамике внутри- и внешнеполитических процессов как в Турции, так и в Армении после подписания вышеупомянутых Протоколов в октябре 2009 года. Не вдаваясь в подробности, следует отметить, что по прошествии года Протоколы не только не ратифицированы Парламентами обоих государств, но, более того, отозваны Арменией¹².

В конечном итоге, форсирование налаживания армяно-турецких отношений оказалось иррациональным с политической, экономической, социальной и моральной точек зрения, несмотря на то, что в их урегулировании в большей степени должны были быть заинтересованы именно Турция и Армения. В качестве основной причины провала процесса примирения следует назвать очевидную асимметрию в уровне заинтересованности двух государств в их урегулировании с учетом воздействия на динамику экономического развития и с учетом восприятия самого факта армянским и турецким обществами. Кроме того, решающим для Турции являются стратегические отношения с Азербайджаном, которые и формируют ее позицию по урегулированию Нагорно-Карабахского конфликта. Таким образом, именно эта асимметрия в армяно-турецких отношениях является определяющим фактором и практически делает невозможным достижение прогресса на этом направлении даже в среднесрочной перспективе – в 8-10 лет.

¹¹ В частности, в контексте демонстрации готовности к демократическим преобразованиям и проявления «доброй воли» осуществляются шаги в сфере прав национальных меньшинств, в частности, было допущено проведение 19 сентября 2010 года армянской литургии в церкви Сурб Хач провинции Ван. Поскольку на церкви, вопреки обещаниям турецкого правительства, не был установлен крест, официальный Эчмиадзин не участвовал в церемонии. Мероприятие было воспринято в армянском обществе как пиар акция Турции, и в Ереване состоялись акции протеста.

¹² «Телевизионное обращение президента Республики Армения Сержа Саркисяна относительно процесса нормализации отношений между Арменией и Турцией». Официальный сайт президента Армении, 22 апреля 2010 года. <http://www.president.am/events/news/rus/?day=22&month=04&year=2010&id=983>

Библиография

1. Телевизионное обращение Президента Республики Армения Сержа Саркисяна относительно процесса нормализации отношений между Арменией и Турцией. Официальный сайт президента Армении, 22 апреля 2010 года. URL: <http://www.president.am/events/news/rus/?day=22&month=04&year=2010&id=983>
2. Cooperation Action Plan in Eurasia: From Bilateral Cooperation to Multi Dimensional Partnership. URL: <http://www.turksam.org/en/a127.html>
3. Mustafa Aydin. Twenty Years Before, Twenty Years After: Turkish Foreign Policy at the Threshold of the 21st Century. In: Turkish Foreign Policy in the 21st Century. A Changing Role in World Politics. Ed. by T.Ismael and M.Aydin, Burlington, 2003, Ashgate, pp.16-17.
4. Novikova Gayane. The Five-Day War of August 2008, and Shifts in Security in the South Caucasus. Panorama of Global Security Environment 2009. Ed. by M.Majer, R.Ondrejcsak, V.Tarasovic, T.Valasek Centre for European and North Atlantic Affairs, Bratislava, 2009, pp.343-359.
5. Terry D. Adams. Caspian Oil and Gas Development and the Black Sea Region: an Overview. In: Europe's Black Sea Dimension. Brussels, CEPS, 2002, pp. 47-52, 60-68.

References (transliteration)

1. Televizionnoe obrashchenie Prezidenta Respubliki Armeniya Serzha Sarkisyana otnositel'no protsessu normalizatsii otnosheniy mezhdu Armeniyei i Turtsiyei. Ofitsial'nyy sayt prezidenta Armenii, 22 aprelya 2010 goda. URL: <http://www.president.am/events/news/rus/?day=22&month=04&year=2010&id=983>
2. Cooperation Action Plan in Eurasia: From Bilateral Cooperation to Multi Dimensional Partnership. URL: <http://www.turksam.org/en/a127.html>
3. Mustafa Aydin. Twenty Years Before, Twenty Years After: Turkish Foreign Policy at the Threshold of the 21st Century. In: Turkish Foreign Policy in the 21st Century. A Changing Role in World Politics. Ed. by T.Ismael and M.Aydin, Burlington, 2003, Ashgate, pp.16-17.
4. Novikova Gayane. The Five-Day War of August 2008, and Shifts in Security in the South Caucasus. Panorama of Global Security Environment 2009. Ed. by M.Majer, R.Ondrejcsak, V.Tarasovic, T.Valasek Centre for European and North Atlantic Affairs, Bratislava, 2009, pp.343-359.
5. Terry D. Adams. Caspian Oil and Gas Development and the Black Sea Region: an Overview. In: Europe's Black Sea Dimension. Brussels, CEPS, 2002, pp. 47-52, 60-68.